

БИОГРАФИКА ПОНИМАЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УЛОВКИ РАННЕГО ЯСПЕРСА*

О.А. ВЛАСОВА

Карл Ясперс любил жанр патографий¹ и биографий. Его история философии — это, скорее, всеобщая «патография» философии, его философия истории — биография культуры. «В биографике, — писал он в «Общей психопатологии», — мы пытаемся прийти к видению целого с точки зрения его изменчивости во времени, возраста, истории жизни, отдельных факторов (таких, как первое переживание, кризис и т.п.)»². Но отдельного рассмотрения достойны и его собственные шаги, особенно если речь идет о шагах первых. Начиная со своих ранних психопатологических работ, закладывающих основания понимающей психологии, Ясперс использует стратегии и ходы, понимание которых (раз уж мы говорим о понимании) неотделимо от понимания того, как он жил и работал, чем он жил и, что в случае Ясперса не менее важно, чем он болел. Эти уловки, сформировавшиеся в молодости стереотипы и шаблоны мы видим и в более зрелый философский период его творчества. Тем полезнее к ним присмотреться.

В первые годы своей исследовательской карьеры, с 1909 по 1914 гг., Ясперс служит в Гейдельбергской клинике под началом Франса Ниссля. Эта клиника, которой до Ниссля заведовал Эмиль Крепелин — светило психиатрии того времени, — как и вся психиатрия, в своей работе опиралась на органическую гипотезу психического заболевания: психическое заболевание считалось болезнью мозга, следствием нарушения его функционирования, поэтому большинство коллег Ясперса (анатомы или гистологи), следуя идеалу научной объективности, стремились прояснить тончайшие мозговые механизмы психических расстройств. Ясперс немного выбивался из этого коллектива. В Гейдельбергской клинике он, в отличие от остальных, работал врачом-стажером: это означало, что он не жил при клинике, как было тогда принято, не мог курировать больных, не обладал всеми правами и обязанностями психиатра. Стать полноправным врачом ему мешала болезнь.

Здоровьем Ясперс был слаб с самого рождения. В начале 1900-х гг. ему был поставлен диагноз бронхоэктатической болезни, осложненной сердечной недостаточностью. Прогнозы были крайне неблагоприятные: больные с таким диагнозом доживали, в лучшем случае, до

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Понимающая психология и феноменология Карла Ясперса: от психопатологии к экзистенциальной философии и философии истории», грант № 12-33-01283.

тридцати лет. Друг и врач Ясперса Альберт Френкель научил его жить «по режиму», как можно больше щадить организм. Некоторые методы он разработал сам. Он научился жить со своей болезнью, потому что медицина оказалась бессильна. Важным здесь оказалось не только предписанное медициной лечение, но и готовность к ограничениям, к особому образу жизни, самодисциплина и сила воли, т.е. не столько физический, сколько психический режим. Психическим Ясперс стал интересоваться и в психиатрии.

1909 — 1914 гг. становятся временем формирования исследовательского характера Ясперса и одновременно его путем к понимающей психологии. В это время он впервые использует и формулирует те стратегии, которые потом будет закреплять в «Психологии мировоззрений» и которые мы видим в экзистенциальной философии уже как отточенные ходы. Исходная ситуация научного пути формирует мировоззрение будущего философа и его исследовательский почерк.

Методологическая жилка

Путь Ясперса к его первой книге «Общая психопатология» и к понимающей психологии был, по меркам большинства людей, не таким уж долгим. Составлял он где-то около трех-четырёх лет: Ясперс проводил психиатрические исследования, которые легли в основание его *opus magnum*, в период с 1909 по 1913 гг., и за это время им была написана диссертация и семь статей. При этом «Общая психопатология» не стала сборником более ранних работ и развивалась как отдельный проект.

В этот период состояние Ясперса было критическим: врачи давали крайне пессимистические прогнозы, а сам он только учился жить со своим недугом. Однако тяжёлая болезнь в какой-то мере компенсировалась молниеносной академической карьерой. Глубокой исследовательской работе только способствовало то, что Ясперс не мог войти в штат и довольствовался местом врача-стажера. Сам он вспоминал: «Недостатки моего положения обернулись достоинствами. Я мог видеть и исследовать все, не будучи ограниченным во времени кругом постоянных обязанностей. Кроме моих собственных исследований — а у меня были только такие пациенты, с которыми я проводил научные исследования, результаты фиксируя на бумаге, — я наблюдал за работой других, размышлял над их действиями и над своими собственными, пытался сделать все более осознанным, подвергал критическому разбору, стремился вычлнить чистый метод и найти методологически выверенные формулировки»³.

Статьи 1909 — 1914 гг. построены по одному и тому же плану: 1) вводные теоретические замечания, 2) анализ случаев или клинические примеры, 3) выводы и обобщения. Исследование ведется в лучших

традициях естественных наук: клинический пример либо доказывает правоту имеющихся научных теорий, либо показывает их незавершенность. Ни в одной своей ранней статье Ясперс не предстает перед нами как врач: врача интересует выздоровление больного, Ясперса же — сама болезнь и больной, поэтому он не намечает никаких путей лечения психических заболеваний. Тем не менее, ранние статьи Ясперса отличаются отчетливой практической направленностью. Чего же тогда он ищет?

Ясперс — методолог: он ищет метод, который позволил бы как можно ближе подойти к феноменам патологического. Он намечает этот метод в теории, подробно разъясняет его, обозначает его задачи, а потом на примере клинического случая показывает этот метод в действии. Именно по такой схеме написаны ранние статьи, так Ясперс разработал и представил методы понимающей психологии и феноменологии. Конечно, исследователь-методолог — это не то, что врач-практик, но Ясперс решил дать врачам метод, который поможет вылечить больного.

Психиатрия того времени была всецело соматической. На дворе стояла «эпоха Крепелина», и отдельные новаторские разработки еще не меняли общей картины. Ясперс же смотрел на психиатрию как на науку о человеке, и потому закономерно, что он обратил свой взор к другим гуманитарным наукам: «Тем, чем приходилось заниматься нам, занимаются и гуманитарные науки. У них те же самые понятия, только не в пример более тонкие, развитые, ясные... Я оглядывался по сторонам — а что, к примеру, смогут нам дать философия и психология?»⁴ Так он стал прорабатывать то пространство, которое через считанные годы назовет философской психопатологией. Чтобы построить ее здание, он воспользовался методологической опорой. Опора на методологию, систематичность, энциклопедический охват, будут свойственны всем без исключения трудам Ясперса: он никогда не изменит своей методологической установке.

Между психиатрией и психологией: теоретические подмены

Во время службы Ясперса в Гейдельбергской клинике там функционировала психологическая лаборатория, которую в бытность своего заведования основал еще Эмиль Крепелин. Лаборатория размещалась в отдельной комнате и располагала некоторым оборудованием для проведения экспериментов. Учитель Ясперса Карл Вильманс выхлопотал ему место заведующего. Благодаря этому у Ясперса был кабинет и возможность один на один беседовать с больными. Он не вел больных, как другие врачи, как у сотрудника психологической лаборатории у него могли быть только испытуемые. На них он и апробировал свои методы. Это был уникальный шанс стать полноправным сотрудником.

Так уж получилось, что на протяжении всей своей жизни Ясперс будет вынужден заниматься психологией, и часто даже не по собственному желанию и не по причине устойчивого интереса к этой науке. Сначала в Гейдельбергской клинике его определили в психологическую лабораторию, поскольку он не мог в полной мере исполнять обязанности врача, затем в Гейдельбергском университете для него не нашлось доцентуры по психиатрии, и ему пришлось довольствоваться психологией.

Ясперс не разделял общепринятую органическую гипотезу происхождения психических заболеваний, поэтому ему оставалось вести исследования только в рамках психологической гипотезы, которая психиатрией тогда официально признана не была, и должность в лаборатории пришлось весьма кстати. Кроме того, собственную болезнь Ясперс пытался побороть не только медицинскими методами, но и силой собственного духа, поэтому в медицине его всегда привлекала связка «душа — тело», его интересовало, как внутренний мир влияет на телесные недуги. По сути, его всегда привлекала та часть медицины и психиатрии, которая наиболее близко соприкасалась с психологией как наукой о человеческой психике и душе. Обратиться к ней его побудила и еще одна (стратегическая) причина.

В детстве Ясперс был слабым ребенком и поэтому сам выяснить отношения со сверстниками не мог, не мог он в силу проблем с легкими и участвовать в публичных диспутах. Он редко воевал в открытую, чаще действовал обходными путями. В науке он сохранил эту заложенную еще с детства манеру, и эта стратегия работала беспроблемно.

Сразу после своего появления в Гейдельбергской клинике он начал свои научные поиски. Тогда же состоялся и его первый разговор с Нисслем: «Первый наш разговор с глазу на глаз, когда я выразил такое желание (желание поговорить. — *О. В.*), был краток. В ответ на мою просьбу он спросил: “Хорошо, а чем именно вы хотели бы заниматься?” Я сказал: “Первые недели я собираюсь провести в библиотеке, чтобы сориентироваться, чем можно заниматься вообще”. Он удивленно посмотрел на меня и сказал, как отрубил: “Ну, если вам угодно заниматься такими глупостями — извольте”. Я был просто потрясен и уничтожен таким ответом. В бешенстве я хотел было отказаться от работы в клинике, но поразмыслил и решил так: “Это — заслуживающий уважения исследователь. Мне следует простить его за то, что он излил свой гнев на молодого человека. Клиника его уникальна. В Германии другой я не найду. Тут на карту ставится вся моя судьба. Надо смирить свою гордыню”. Так началась моя работа. Ниссль предоставил мне полную свободу, слушал мои научные доклады и как-то сказал одному из ассистентов: “Жаль Ясперса! Такой интеллигентный человек, а занимается сплошной ерундой”⁵. Ясперс

сразу же понял, что его поискам будут не очень рады: его окружали доктора, а докторов интересовал мозг, но на открытую войну он не пошел, а, напротив, решил смирить свою гордыню, применив уже апробированный прием.

Психологическая лаборатория была детищем Крепелина, и, несмотря на то, что Ниссль не очень жаловал психологические методики, закрыть ее он не мог: Крепелин был его учителем, да к тому же именно он задавал тогда моду в психиатрии. Лаборатория имела весьма выгодный статус: она была как бы отделена от клиники, там не лечили, там не господствовал дух органической психиатрии. Это был своеобразный островок психологической ереси в обители органической психиатрии, и островок этот находился под прикрытием имени Крепелина.

Ясперс это очень быстро понял. Он стал делать то, что от него требовалось. Его первая статья была посвящена методам проверки интеллекта. Многие психологи тогда говорили об интеллекте, стал исследовать его и Ясперс. Однако при этом он вел свою линию: он, конечно, говорил о психологии, но о психологии понимающей. В случае чего можно было апеллировать к имени Крепелина. Фразой «Я продолжаю дело Вашего учителя и опираюсь на его идеи» можно было отбиться от любых нападок Ниссля. Это доказывает и одно примечательное выражение. Уже во втором абзаце своей первой статьи Ясперс как бы между прочим отмечает: «Кого могло бы оставить равнодушным чтение вводной статьи к психологическим работам Крепелина!»⁶

Так Ясперс заговорил о достоверности результатов психологического исследования — насущной проблеме психологии того времени — и, обсуждая эту проблему, всячески стал настаивать на необходимости понимающего подхода. Фактически он говорил о необходимости обращения к внутреннему миру больного, о важности психики, души в происхождении и течении психического заболевания, но делал он это так хитро, что поначалу никто и не заметил. В самом сердце Гейдельбергской клиники, в психологической лаборатории работал тот, кто задумал сотрясти ее стены, кто замыслил поставить психологическую гипотезу на место органической.

Понимание и критерии его объективности

Больные приходили в кабинет Ясперса, и он часами беседовал с ними. Когда он прогуливался по клинике или просто выходил по делам, он видел, что в ординаторской с другим больным беседует Груле, в палате пытается разговаривать больного Майер, в коридоре, устроившись перед окном, с больным что-то обсуждает Кронфельд. Ясперс пришел к мысли, что нужно обратиться к самой реальности психиатрии. Не нужно опираться на теории, в них царит полная не-

разбериха. Нужно идти от общения с больными, от самих больных, ведь именно они являются основным, исходным, первым звеном психиатрии. И хотя Ясперсу все стало более или менее понятно и намечился путь, алгоритм действий, он сразу же столкнулся с практически непреодолимой проблемой. В 1912 г. в одной из своих статей он обозначит ее так: «...*собственно наблюдатели*, согласно учению о галлюцинациях, это *больные*, не мы. Мы наблюдаем только через больных, побуждая их рассказы, правильно принимая и интерпретируя. Мы зависим от способности больных к наблюдению, от их ума, образования, желания дать информацию»⁷.

Больные бывают разные: словоохотливые и молчаливые, контактные и не очень, открытые и погруженные в себя. Для психиатра-исследователя они – носители ценнейшей информации. Следовательно, нужно войти к больному в доверие и разговаривать его. Ясперс не раз посещал кабинет врача и видел уже не один десяток докторов. Как врач он был циником, но как больному ему всегда хотелось быть понятым, поэтому он очень скоро заговорил о понимающей психологии. Уже в первой статье «Методы проверки интеллекта и понятие деменции», вышедшей во время его работы в Гейдельбергской клинике, Ясперс говорит о методах понимания.

Что значит «понять» в общении? Это значит, что нужно последовать за тем, что говорит больной, слушать его, развивать его мысль, распутывать нить рассказа. Это также значит, что нужно забыть о симптомах, о том, что нужно спросить непременно, о том, что необходимо врачу для диагноза. «Понимать» – значить «слушать». И Ясперс догадался, что в общении с больными это и есть ключ к их внутреннему миру.

Как только Ясперс решил избрать своим идеалом не количественные методы оценки, а сбор качественного материала, поступающего от больных, возникла следующая проблема. Психиатрия – это естественная наука, она должна ориентироваться на методы и идеал объективности естественных наук: «Из такого стремления к “объективному”, заключается ли оно в многочисленных определениях или в каком-то образом “воспринимаемом”, возник большой ряд современных психопатологических методов, которые работают с аппаратами, измерениями, подсчетами, “тождеством раздражителей” и т.д. Им мы обязаны ценнейшими достижениями, которые наша эпоха добавила к старому инвентарю нового. Также в области методов проверки интеллекта мы могли бы сообщить о некоторых таких результатах»⁸.

Однако, на взгляд Ясперса, объективные методы являются лишь вспомогательным средством психопатологии. С их помощью можно получить некоторые количественные показатели, но построить здание этой науки только на их основании нельзя. Можно подсчитать приблизительный объем памяти в словах, зафиксировать темпы пере-

ключаемости внимания, но особенности запоминания и организации информации, к примеру, при шизофрении с помощью таких методов описать невозможно. Здесь нужна качественная, а не количественная методология.

В этом переходе от количественной к качественной методологии есть одно маленькое «но». Ясперс прекрасно сознавал, что отход от количественных методов может привести к отказу от естественнонаучного идеала объективности. Это, в свою очередь, чревато опасностью погружения в чистую метафизику и спекуляцию. Так психопатология может стать наукой чистых домыслов, т.е., по сути, наукой быть перестанет. Это не лучше, чем количественные методы, а в определенном смысле даже хуже. Следовательно, переходя к качественной методологии в психопатологии, он должен был предложить и качественный идеал научности, и этот идеал должен был быть таким, чтобы его приняли и естественники.

Этот критерий объективности Ясперс позаимствовал из философии. Он вспомнил о первичной достоверности опыта. О первичной достоверности тогда говорил Гуссерль и все феноменологи, особенно наглядна она была как раз в психиатрии и религии. С позиций феноменологии, патологический и религиозный опыт, как и всякий проживаемый опыт, всегда объективны. Больной видит зрительные образы точно так же, как верующий видит образы религиозные: оба они переживают этот опыт в своем сознании. Это Ясперс и принял за критерий объективности.

Вопрос о достоверности методов, понял Ясперс, появляется тогда, когда исследователь максимально удален от предмета исследования. Тогда и возникает сомнение в том, что своими методами он сможет отобразить предмет или отобразит, но не совсем правильно. К примеру, когда биолог видит тигра в естественной среде обитания, он никогда не задумывается о том, тигр ли это. Здесь все ясно: он видит тигра, это тигр. Точно так же происходит, когда биолог смотрит в микроскоп и видит известную всем со школы инфузорию-туфельку. Но когда путем нескольких промежуточных операций физик получает кварк, возникает вопрос об объективности. И физик начинает говорить о математических, объективных методах исследования, которые основаны на количественных расчетах и построении объективных взаимосвязей, где вероятность ошибки чрезвычайно низка. Душевная жизнь человека — предмет специфический, и приблизиться к нему крайне трудно. Что же здесь предложил Ясперс?

В мире физических объектов, в окружающем нас мире мы видим вещи, мы слышим звуки, мы дотрагиваемся до предметов. При непосредственном контакте с физическим миром мы испытываем ощущения: зрительные, слуховые, тактильные и т.д. Когда мы видим ручку, лежащую перед нашими глазами на столе, мы не можем уви-

деть ее как-то не так, ведь мы контактируем с ней непосредственно. Во внутреннем мире человеческой психики мы соприкасаемся с внешним миром объектов и с внутренним миром других людей в нашем переживании. А если мы переживаем что-либо, то с позиций феноменологии это достоверно и объективно. Непосредственное переживание — это то же самое, что и непосредственное наблюдение, слушание, ощупывание. Такова была логика Ясперса: «Можно было бы сравнить способность к переживаниям чувствования как особый орган наблюдения психопатолога с органами чувств, которые являются средством химических, гистологических и других наблюдений»⁹, — пишет он.

Нужно, стало быть, максимально приблизиться к непосредственному переживанию больного. В этом случае мы почувствуем его душу как свою, будто смотрим друг другу в глаза. Это и будет гарантировать достоверность: «Для таких исследований понятие “объективности” имеет иное значение, чем для первых. Оно состоит не в чувственно воспринимаемом, измеренном или подсчитанном, а в “правильности” определенного “чувствования” или определенного “понимания”. Предполагая наличие органа способности к чувствованию (как для гистолога должен предполагаться глаз), эмпирическое решение об этой правильности с помощью сравнения и критики “переживаний чувствования” в принципе достигается так же хорошо, как для восприятия органами чувств»¹⁰. Для того чтобы увидеть инфузорию-туфельку, нужно посмотреть в микроскоп, чтобы увидеть яблоко на ветке, нужно посмотреть на яблоню, чтобы увидеть душу другого человека, нужно настроиться на его волну, почувствовать его. Так Ясперс вплотную приблизился к понимающей психологии.

В «Общей психопатологии», размышляя о биографике, Ясперс напишет: «Нет такого человека, который не имел бы за своей спиной прошлого»¹¹. Давно понятно, что прошлое есть и у идеи. Традиционно понимающая психология как один из методов философии Ясперса представляется как нечто данное, однако ее ближайшее прошлое — это теоретические исследования Ясперса в Гейдельбергской клинике в 1909 — 1914 гг.

К понимающей психологии Ясперс приходит совсем не в результате отхода от идеала естественных наук, а развивая качественную и объективную методологию исследования психического. Понимание противостоит объективным методам лишь отчасти. Наполняя этот метод содержанием, отличным от такового в естествознании, он оставляет ему ту же цель: как можно более объективное представление психической жизни. Фактически Ясперс стремится объективировать еще не объективированные области.

Методологические устремления Ясперса связаны не только с попытками объединить разорванное многочисленными теориями про-

странство психиатрии, но и с исходными обстоятельствами его профессиональной карьеры: с невозможностью стать врачом-практиком и с вынужденными занятиями теоретическими исследованиями. Он развернул свои методологические поиски в психологии – той науке, которая всегда оказывалась для него запасным плацдармом и давала ему утешение в его болезни. Задавшись целью построения метода, соответствующего идеалам естествознания, он подошел к понимающей психологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патографии у Ясперса – это биографии людей с психическими заболеваниями, биографика – научный биографический подход, не просто биография, а биография как научное исследование.

² Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 1997. С. 674.

³ Ясперс К. Философская автобиография / пер. с нем. А.В. Перцева // Западная философия: итоги тысячелетия. – Екатеринбург; Бишкек, 1997. С. 31.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Ясперс К. Методы проверки интеллекта и понятие деменции // Ясперс К. Собр. соч. по психопатологии. Т. 1. – М.: Академия; СПб.: Белый Кролик, 1996. С. 204.

⁷ Ясперс К. Ложные восприятия: критический реферат // Ясперс К. Собр. соч. по психопатологии. Т. 2. – М.: Академия; СПб.: Белый Кролик, 1996. С. 75.

⁸ Ясперс К. Методы проверки интеллекта и понятие деменции. С. 205.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 206 – 207.

¹¹ Ясперс К. Общая психопатология. С. 832.

Аннотация

В статье представлена попытка исследования истоков понимающей психологии Карла Ясперса. Подробно анализируются методологические и теоретические стратегии, цели ранних поисков философа, приведшие к созданию этого метода, получившего дальнейшее развитие и закрепление в «Психологии мировоззрений» и в экзистенциальной философии К. Ясперса.

Ключевые слова: биографика, понимающая психология, понимание, философская психопатология, методология.

Summary

In the article the author presents the biographic research of the beginning of Jaspers' understanding psychology. Methodological and theoretical strategy, the purposes of early searches of the philosopher led to the creation of method of understanding psychology are analyzed in detail. This strategy was developed later in Jaspers' «Psychology of Worldviews» and in his existential philosophy.

Keywords: biographics, understanding psychology, understanding, philosophical psychopathology, methodology.